

Александр Левенбук

КАВЕРЗНЫЕ ВОПРОСЫ,
или ПОКА СКЛЕРОЗ МОЛОДОЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Левенбук
Каверзные вопросы, или
Пока склероз молодой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66165226

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-95012-2

Аннотация

Эта книга – микстура из доброты, юмора и уважения к людям, которыми и мы, и наша страна могут гордиться. Принимать эту микстуру нужно небольшими дозами, по чайной ложке, чтобы продлить удовольствие. О Пугачевой, Кобзоне, Галиче, Таниче, Никулине, Крамарове, Хайте, «Радионяне», театре «Шалом» и других...

Содержит нецензурную брань.

Содержание

О коллеге	5
Каверзные вопросы	8
Пока склероз молодой	11
Для начала	12
Вопросы анкеты	14
Иосиф Кобзон	28
Сводное интервью с каверзными вопросами	47
Алла Пугачева	50
Еврейское счастье	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Александр Левенбук Каверзные вопросы, или Пока склероз молодой

СПАСИБО

Алексею Попову и Елене Комовой за помощь в подготовке этой книги.

О коллеге

об авторе этой книги

Автор этой книги Народный артист России Александр Левенбук окончил медицинский институт, ушел на эстраду. Не знаю, потеряла что-то медицина, но эстрада точно выиграла. Работал на радио, а сейчас руководит театром “Шалом”. Но на всех работах сохранил верность своей профессии, как сохраняют огромное число врачей. Учеба не прошла даром.

На эстраде дуэт Лившиц-Левенбук работал в советское время, когда цензура не позволяла ставить откровенные диагнозы государству и обществу, а можно было критиковать только мелочи нашей жизни. Поэтому в этот период Левенбук работал *офтальмологом*: открывал глаза людям на то, что далеко не все хорошо в стране победившего социализма.

Дуэт стал Лауреатом Всероссийского и Всесоюзного конкурсов артистов эстрады и достиг большой популярности.

В “Радионяне” Левенбук сродни *педиатру*. Лечит безграмотность и невоспитанность. Веселые и музыкальные методы терапии приносят всесоюзную известность. Эта радиоклиника проработала 30 лет, ее помнят до сих пор, а диски с веселыми уроками и песенками продолжают выходить

огромными тиражами.

За “Радионяню” Левенбук получил премию “Признание поколения” и оказался в прекрасной компании Лауреатов: братья Стругацкие, Булат Окуджава и Михаил Горбачев. Теперь “Радионяни” нет, но есть, например, “Дом-2”. Понятно, что тут никакого лечения не получается. Поэтому он решил и дальше лечить, но уже в еврейском театре. Там он задержался на 25 лет, превратившись из *педиатра* в *психолога*.

Экстрасенсы говорят, что в театре “Шалом” какая-то особая аура. Я не экстрасенс, но точно знаю, что этот театр лечебный. Здесь лечат межнациональные конфликты, удаляют ненужные амбиции и очищают организмы от зависти, агрессии и других недугов. В уютной, домашней обстановке человек любой национальности чувствует уважение к себе и понимает, что Б-г у всех народов один, только называется по-разному. Я люблю бывать в “Шаломе”, но бываю, не так часто, как хочется. Даже хорошее надо потреблять в меру. Иначе такое “переедание” даже Левенбук не вылечит.

Теперь про книгу. Эта книга – микстура из доброты, юмора и уважения к людям, которыми и мы, и наша страна можем гордиться. Принимать эту микстуру нужно небольшими дозами, по чайной ложке, чтобы продлить удовольствие.

А мне остается к званию “Человек года”, ордену Почета и другим наградам Левенбука добавить от себя самое почетное в мире звание – **Доктор**, чтобы все называли моего друга Алика “Доктор Левенбук” из еврейского театра “Шалом”.

Леонид Рошаль
Доктор Мира,
детский хирург

Каверзные вопросы

В жизни, как вы знаете, вопросов больше, чем ответов.

Однажды в Киеве мы с Лившицем выступали для участников какой-то военной конференции. Офицеры от майора и выше. Мы спросили:

– А что за конференция у вас, если не секрет?

– Изучаем израильскую Шестидневную войну.

– И долго изучаете?

– Две недели.

– Шесть дней войны изучают четырнадцать дней?

– Что вы! Военные академии всех стран изучают эту войну годами, а ответов на многие вопросы так и нет. 700 тысяч израильтян, 100 миллионов арабов вокруг, у них в десятки раз больше танков и самолетов да еще советские военные советники. Тут одним героизмом и находчивостью не победишь. Тут без высших сил не обошлось. Других ответов на вопросы нет.

Известно, что вопросы бывают разные.

Риторические. Не требующие ответа. Когда ответ содержится в самом вопросе. Например, популярный вопрос многих жен: ‘Ты опять пил?’.

Познавательные. Ответы на них – это наука с ее открытиями, вообще, человеческие знания, размышления, рас-

суждения и многое другое. Например, какая разница между *дезабиле* и *неглиже*?

Провокационные. Ответы на них могут иметь последствия. Например: “За кого вы будете голосовать?”.

Наивные. Например, в анекдоте. Рабинович встречается с Эйнштейном:

– Мистер Эйнштейн, говорят, вы собираетесь в Токио? Что вы там будете делать?

– Читать лекции о теории относительности.

– А что это за теория?

– Как вам объяснить попроще? Вот когда вы в постели с любимой женщиной, вам вечность кажется мгновением, а когда вы голой задницей сидите на раскаленной сковородке, вам мгновение кажется вечностью.

– И с этими хохмами вы едете в Токио?

И, наконец, **каверзные.** Которые могут поставить человека в затруднительное положение. Не только трудные, но и с подковыркой. В этой книге их будет много. Они и стали ее названием.

Приятного чтения.

* * *

Друзья и знакомые давно советовали мне написать такую книгу, но я все откладывал, думал – рано, еще успею...

Однажды гулял с собакой, встретил соседку, маленькую

девочку лет пяти, тоже с собачкой.

– Сдластвуйте, дядя!

– Здравствуй, девочка!

– А вы помните, что мою собаську зовут Кики?

– Честно говоря, не помню.

– А собаська помнит...

Я понял, что больше тянуть нельзя, надо писать,

Пока склероз молодой

Это было семь лет назад. Под этим названием была сделана маленькая книжка, которая вышла крохотным пробным тиражом и продавалась только в Театре “Шалом”. Она почти полностью вошла в состав этой новой книги, в которой теперь много новых фрагментов, других добавлений и исправлений. Я думаю, оба названия книги оправданы ее содержанием. О “Каверзных вопросах” мы еще поговорим, а что касается “Склероза”, то за прошедшие годы он окреп, возмужал, и теперь... это... этого... Забыл, что хотел сказать. Извините за внимание.

Для начала

30 лет на эстраде, столько же на радио, четверть века в театре “Шалом”, встречи с актерами эстрады, театра и кино, писателями, поэтами, режиссерами... Тут есть о чем вспомнить. Есть вопросы, на которые хочется найти ответы.

В этой книге я попытался собрать смешные эпизоды, веселые ситуации, связанные со знаменитыми людьми. Без всякой специальной системы или хронологической последовательности. Поэтому читать эту книгу можно с любой страницы, ведь она состоит из отдельных самостоятельных историй.

Возможно, у кого-то из читателей возникнет ощущение, что в книге слишком мало слов сказано о творчестве или человеческом таланте этих замечательных людей, но это уже задача искусствоведов и писателей, я всего-навсего счастливчик, который встречался с этими людьми, радовался общению с ними и захотел поделиться этой радостью с вами.

И еще. Ряд эпизодов этой книги, относящихся к периоду до 1979 года, задуманы, а некоторые и написаны при участии моего друга и партнера по сцене Александра Лившица. Это “Александр Галич”, “Рина Зеленая”, “Виктор Ардов”, “Николай Смирнов-Сокольский”, “Михаил Гаркави”, “Клавдия Шульженко”, “Кола Бельды”, “Эмиль Радов” и совсем небольшие, но мне кажется, смешные “Бухгалтер Рабино-

вич”, “Вьетланд” и “В коридоре Москонцерта”.

Вопросы анкеты

Отец

Мои родители, Семен Абрамович Левенбук и Раиса Лазаревна Островская, из Украины.

Отец с детства обладал феноменальной памятью, в уме перемножал пятизначные числа. Его способности мне не передались, поэтому считаю я плохо.

В 11 или 12 лет после очередного погрома отец остался без родителей и без дома, но вскоре выступил в соревновании с арифмометром, выиграл и заработал на большой каменный дом. Позже окончил два института и работал преподавателем экономической географии, физики, астрономии, методистом и даже был заместителем заведующего методкабинетом школ взрослых РСФСР.

Во время Великой Отечественной войны его способности запоминать целые страницы текста и изображений послужили Комитету обороны: он составлял карты железных дорог СССР и Европы для военных целей.

Подробности этой работы он рассказал только после войны. Перед ним раскладывали десяток или больше карт с некоторыми погрешностями, он запоминал и усредненные

результаты наносил на контурную карту. Других методов тогда, скорее всего, не было.

Отец прекрасно знал старую Москву, ее улицы, переулочки, дома, иногда даже их номера, цвет и число этажей. Это помогало ему неплохо зарабатывать, составляя расписания занятий для крупных институтов. Ведь, например, Первый московский медицинский институт вел занятия со студентами на 23 улицах Москвы. Сегодня эти расстояния, время переездов, занятость педагогов и лекторов, продолжительность занятий и прочие условия можно заложить в компьютер, а тогда компьютером работал мой папа. Я сам это видел.

И еще память помогала отцу бороться с советскими законами. Он говорил: “Советская власть сочинила столько законов, что на каждый закон есть два его опровергающих”. К нему ходили соседи, знакомые, он им составлял иски, давал советы, и часто эти люди выигрывали. Хоть локальная, но победа над всемогущей Сонькой (Советской властью) была ему лучшим гонораром.

Мать

Была известным в Москве врачом-гинекологом. Я до сих пор встречаю женщин, которые вспоминают ее с благодарностью. Мама свято верила в силу медицины и считала, что все болезни – по вине самих людей. Я панически боялся заболеть. Не болезни самой боялся, а маминого скандала по

этому поводу. Может быть, поэтому болел редко.

С учебой было нечто похожее. Родители считали, что еврейский мальчик должен учиться только на **отлично**. За четверку меня презирали, а за тройку могли убить. Благодаря такой семейной традиции, школу я окончил с медалью, а институт – с красным дипломом.

По маминому примеру моя сестра и я тоже стали докторами. Сестра – в действительности, а я – в душе.

Один случай из своей медицинской практики я хочу рассказать. Когда я учился в Первом медицинском институте, практические занятия по терапии у нас проходили в больнице № 23, теперь рядом с Театром на Таганке. У меня была палата с больными после инфаркта.

Однажды заканчивается профессорский обход, я, как и полагается, последним выхожу из палаты, вдруг один больной спрашивает:

– Доктор, а когда можно будет спать с женой?

Я, к сожалению, не знаю ответа, но говорю с видом знатока:

– Вы знаете, организм человека так мудро устроен, что если вы почувствуете, что нужно – значит, можно.

И ушел довольный собой.

Дома я рассказал маме, какой я умный и находчивый. Мама закричала:

– Врач – убийца! Больному еще нужно три месяца реабилитироваться!

На следующее утро я побежал в больницу. Вхожу в палату: постель моего больного застелена. Он выписался. В регистратуре беру его домашний телефон, звоню: он уехал в деревню вместе с женой. Телефона там нет, адреса никто не знает. Я мучился два месяца. Однажды прихожу домой, мама говорит:

– Звонил твой инфарктник, сказал: “Ваш сын – настоящий врач. Как он сказал, так все и было”.

Сестра

Моя любимая сестра Инесса Семеновна Левенбук, доктор медицинских наук, один из ведущих специалистов в мире в области контроля вакцин и сывороток.

В период антисемитской кампании 70-х у Ины, ее мужа Бориса и сына Игоря возникли проблемы с работой, и вся семья уехала в США, где вскоре Ина создала лабораторию, аналогичную той, которой заведовала в Государственном контрольном институте в Москве и стала консультантом Всемирной Организации Здравоохранения. Сейчас в свои 85 она часто привлекается к работе в качестве консультанта по безопасности живых вирусных вакцин. А сын Игорь стал крупным ученым и координатором Всемирного ракового конгресса.

После отъезда сестры (да еще и Лившица) меня 8 лет не выпускали за рубеж. И вдруг появилась возможность поезд-

ки в Чехословакию. Выездная комиссия Росконцерта беседовала со мной 40 минут. Наконец, прямо спросили:

– Вы осуждаете отъезд сестры?

Если бы я ответил “да”, комиссия была бы довольна. А для сестры ничего бы не изменилось. Но язык не повернулся. Я сказал:

– Моя сестра – человек без недостатков...

– Так уж?

– Да. И если она уехала, значит, у нее были основания.

Можете проверить.

До сих пор не знаю, почему мне разрешили выезд. Есть подозрение, что это была рука Кобзона, потому что в следующей инстанции, Райкоме партии, куда он звонил, меня встретили как любимую “Радионяню”.

С детства и по сей день сестра называет меня “братиком” и заботится обо мне по-матерински. Вообще, помогать другим – это у нее семейное. Театру “Шалом” она тоже помогает. На одном из кресел 5 ряда нашего зрительного зала – табличка: “Инесса Левенбук доктор”.

Еще одну маленькую историю, связанную с отъездом сестры, я просто обязан рассказать.

Провожали мы ее в “Шереметьево”. Пришла одна женщина, коллега-доктор, которой Ина помогла сделать диссертацию. Подарила ей на память скромное, очень скромное, колечко. Таможня его не пропустила. Отдали мне. Вскоре по-

дошел молодой таможенник:

– Колечко у вас?.. Дайте мне, я схожу к начальству, может, разрешат.

Взял, ушел. Через 5 минут вернулся:

– К сожалению...

Не разрешили. **НО ОН ПЫТАЛСЯ!** Помните эту гениальную фразу из гениального фильма “Пролетая над гнездом кукушки”? **НО ОН ПЫТАЛСЯ!..**

Хорошие люди были, есть и будут.

Жена

Визма Витолс, главный балетмейстер театра “Шалом”, в этом качестве поставила все танцевальные и пластические фрагменты репертуара (более 150 номеров). А как режиссер-постановщик – спектакли “Пол-Нью-Йорка мне теперь родня”, “Блуждающие звезды”, “Испанская баллада”, “Кот Леопольд”, “Ну, волк, погоди!”, “Что ты в ней нашел?” (“Шоша”), “Праведники и грешники”, “Мадам Роза” и другие. Получается, что большая часть репертуара поставлена Визмой Витолс.

Вот тут и возникает каверзный вопрос, который Визма иногда задает сама себе: “Как это простая балерина стала ставить танцы и целые спектакли?”

Вообще-то такое бывает. Всеволод Мейерхольд был артистом балета – стал великим режиссером, артист балета Ка-

сьян Голейзовский стал гениальным балетмейстером, оказавшим влияние на балет во всем мире. Эти примеры – не для сравнения, а чтобы показать, что никакого чуда в нашем случае нет.

Визма Витолс окончила Рижское хореографическое училище, в котором училась с Михаилом Барышниковым. Затем продолжала совершенствоваться, работая под руководством Народных артистов СССР В. Чабукиани, А. Шелест, Ю. Виллимаа, Заслуженных артистов России И. Тихомирновой, В. Преображенского. 11 лет она работала в Эстонском Государственном академическом театре “Ванемуйне”, где достигла положения примы-балерины. В этом театре шли балеты, оперы, оперетты и драматические спектакли. И Визма участвовала не только в балетах, но и во многих спектаклях других жанров. Этот опыт ей потом очень пригодился.

С расцветом видео она смогла познакомиться с работами гениальных балетмейстеров, таких как Фосс или Робинсон. И увидела, что хороший балетмейстер обязан быть и хорошим режиссером. Кстати, сегодня режиссеров на Западе учат и балету тоже.

Говорю не как муж, а как зритель: все работы Визмы имеют успех и десятилетиями не сходят со сцены. Как тут не признать ее одаренность и профессионализм.

Про одну из последних ее постановок – “Мадам роза” – “Комсомольская правда” написала: “Спектакль гениальный”.

Визма Витолс Заслуженный деятель искусств России.

Сын

Айвар Левенбук. Директор театра “Шалом”.

Окончил Московскую международную высшую школу бизнеса “МИРБИС” (институт) по специальности “Финансы и кредит”. Изучал маркетинг и менеджмент.

Увидев, что папа и мама мучаются с директорами, и папа, при его мягком характере, расстался уже с семью директорами театра, сказал:

– Давайте я пойду к вам директором.

– Сынок, – сказали родители, – нам тебя жалко, это жуткая работа!

– Я справлюсь.

И справляется. Поступил на продюсерский факультет ГИТИСа, а начал работу в театре с должности Заведующего постановочной частью. Он “рукастый”, может все что угодно собрать-разобрать, закрутить-открутить, знает всю оргтехнику и многое другое.

Нам, родителям, хвалить его неловко. Пока его хвалит Департамент культуры, а сотрудники театра побаиваются. С нами он часто спорит, поэтому, тем более, мы лучше помолчим.

А о директоре театра, как всегда, пусть говорят результаты его работы, актеры и зрители.

Александр Лившиц

Если без формальностей, мы с ним родственники. Братья.

В репетициях, концертах, гастроях мы проводили времени вместе больше, чем со своими семьями.

А познакомились мы на первом курсе института. У нас были конкурсы самодеятельности, в которых участвовали почти все студенты, и Лившиц, и я выступали самостоятельно, и оба оказались в жюри. После очередного конкурса шли пешком по вечерней Москве. Он раскритиковал меня, я – его. И решили, что это хорошая основа для совместной работы. И проработали как Лившиц-Левенбук четверть века.

Мы очень разные и в репетициях всегда спорили. Без пирамидона не репетировали. Даже придумали фразу: “В споре рождается головная боль”. Потом не могли вспомнить, кто что предложил в процессе подготовки номера и “курицу славы” никогда не делили.

А в жизненных вопросах у нас все совпадало. Мы дружили. И семьями тоже. А семья у Лившицев была образцовая. Все красивые, стройные, умные и веселые. Мама Рива, папа Саша, две дочери: Маша и Наташа.

За принципиальность, прямоту и привычку рубить с плеча правду-матку артисты дали Лившицу кличку “Комиссар”.

Он был младше меня на две недели, но относился ко мне заботливо, как будто был старше меня на несколько лет. Мне

иногда кажется, что я был менее внимателен к нему. Если это действительно так, то мне очень жаль.

На Камчатке в антракте ко мне подошел какой-то полковник и сказал по поводу нашего номера о плохом освещении московских улиц (номер назывался “Жмурки – любимая игра Мосэнерго”):

– Вам не нравится освещение в нашей столице? Мы тут стоим на страже границ нашей Родины, а вам, видите ли, не нравится... Я замполит командующего округа...

Лившиц возник у меня из-за плеча и сказал спокойно и наполненно:

– А ну, пошел отсюда быстро.

Полковник, как мышка, тихо повернулся и ушел.

Оказалось, Лившиц увидел, что полковник выпивши. Он, вообще “поддатых” чувствовал за версту.

У очередного директора Москонцерта была манера любое заявление класть в сторонку со словами: “Пусть полежит”.

Мы пришли к нему с просьбой разрешить нам взять в свой коллектив дополнительного музыканта-гитариста.

– Пусть полежит.

Лившиц наклонился к директорскому уху:

– Да подпиши ты, ...твою мать!..

Директор подписал.

Когда мы вышли из кабинета, Саша сказал:

– Они твоего языка не понимают. С ними надо – на их

родном языке.

Мы работали успешно, хорошо зарабатывали, у нас были квартиры, машины, а главное – “Радионяня”, – мы по тем временам были “в полном порядке”.

А уехать Саша решил из-за дочерей. У старшей возник конфликт в институте, ее поддержала младшая, и они обе попросили отца уехать. Он согласился. Я его понял.

Позже Хайт написал: “В каждом дуэте должен быть хоть один умный. И Лившиц уехал в Америку”.

Перед отъездом мы вместе определили кандидатуру моего нового партнера. Им в “Радионяне” и на эстраде стал Лев Шимелов, с которым мы дружно и успешно проработали четыре года. В театре “Шалом” мы с Шимеловым тоже сотрудничаем. Он режиссер и актер в спектакле “Моя кошерная леди”, который с большим успехом идет у нас в стране и за рубежом.

Когда Саша первый раз собрался приехать из Нью-Йорка в Москву, мы решили сделать ему сюрприз. Организовали концерт в театре “Шалом” и выпустили афишу “КОНЦЕРТ ДЛЯ ЛИВШИЦА”.

Пришли коллеги-артисты, простые зрители. Зал был переполнен. Дополнительные стулья собирали по всем комнатам.

Лившиц сидел в самом центре зала, а на сцене выступали

артисты театра, Вероника Маврикиевна и Авдотья Никитична (Вадим Тонков и Гарри Гриневи́ч) со специальной приветственной интермедией и изумительный ансамбль русской песни “Бабье лето” (первый состав команды Надежды Бабиной).

По атмосфере, по успеху это был потрясающий вечер. Лившиц, конечно, плакал. Мы тоже. А куда деваться?..

Время было – начало перестройки, и все мы делали первые шаги к пониманию того, что, если человек живет в другом месте, это не значит, что мы чужие. Все мы люди. И когда мы вместе, мы умнее и добрее.

И еще одна история. И опять связана с таможенной.
В этой истории две части.

Часть первая.

Перед отъездом в Америку Саша продал 3-комнатную кооперативную квартиру, машину и практически все вещи. Образовалась значительная сумма денег, а провозить, как вы помните, разрешалось по 90 долларов на человека. Тогда он купил норковые шкурки, но оказалось, что шкурки провозить нельзя.

И Лившиц со свойственной ему прямоотой и открытостью пошел за советом к начальнице Московской грузовой таможни. Она посоветовала ему сшить из шкурок палантин, так как изделия из меха везти разрешается.

Таможенник в “Шереметьево” вспорол палантин, увидел норковые лапки – и палантин конфисковали.

Часть вторая.

Прошло шесть лет.

На гастролях театра “Шалом” в Лондоне с нами была Светлана Климова, бывшая артистка “Березки”. Такие опытные в заграничных делах коллективы – ансамбль Александра Моисеева, “Березка” – знали что и где покупать. Она нам сказала:

– Ребята, есть фирма, которая продает японские телевизоры и видеоманитофоны. Если мы все купим, так с их базовой цены будет еще большая скидка, и доставят сами в Москву.

Ни у кого из нас тогда не было ни хорошего телевизора, ни, тем более, магнитофона. И все купили.

В Москве мы приехали получать свой драгоценный груз в Бутовскую таможду. Приехали утром и увидели очередь, которая, как нам объяснили, минимум до вечера. Ну, что делать!.. Сидим, ждем. Вдруг по радио объявление: “Александр Левенбук, подойдите к главному инспектору тамождни”.

Я вошел в таможенный офис, мне навстречу поднялся сотрудник:

– Вы курите?

– Курю.

– Выйдем, покурим.

И вот что он мне сказал:

– Вы с Лившицем общаетесь?

– Конечно.

– Будете общаться, передайте ему, что это я тогда конфисковал у него норковый палантин. Но я не мог иначе... Это моя работа. Понимаете? Скажите, что я извиняюсь, и пусть он меня поймет. Что я могу для вас сделать?

– Вот тут очередь...

– Ясно. Получайте свои вещи, грузите в ваш автобус. Мы вам дадим машину сопровождения до театра.

Вот видите: оказывается, некоторых людей даже советская власть до конца испортить не смогла. Значит, Б-г есть.

Иосиф Кобзон

анализ явления

Вернее, попытка анализа. Ведь искусствоведы-профессионалы не написали еще книг об этом уникальном артисте, а журналисты сообщают нам чаще всего о том, как долго он пел на том или ином концерте, кто был в зале, как он симпатизирует кому-то из мафии, и как вся мафия любит его, какой у него большой бизнес, как он богат, при этом имеют в виду не талант, а деньги.

Давайте попытаемся поразмышлять над явлением нашей жизни, которое носит имя Иосиф Кобзон.

Тут очень много вопросов. Иногда – каверзных.

Как это так получается, что время идет, появляются новые, молодые и талантливые певцы, а на успех Кобзона это не влияет?

Почему многие певцы с возрастом перестают петь, а Кобзон поет все лучше и лучше?

Почему на эстраде, которая очень подвержена моде, Кобзон вне всякой моды?

Как ему удалось записать столько песен, побывать везде, петь то на многотысячном стадионе, то одному раненому

солдату, то Папе Римскому?

А что у него, действительно, луженое горло?

Песня, бизнес, Госдума, благотворительность... Как он все успевает и никогда не торопится?

А зачем он пел песни о космосе, о родном заводе, о БА-Ме? Разве мало песен о любви?

Почему у такого, казалось бы, “официозного” певца всегда такие трения с властью?

Зачем он помогает видным людям и никому не известной старой пенсионерке?

Зачем такому знаменитому певцу рассказывать анекдоты?

А петь “Вдоль по Питерской” и петь в синагоге – это можно?..

Отвечая на эти вопросы, надо, прежде всего, исходить из того, что Кобзон, хотите или не хотите – часть нашей жизни. И нашей истории. Широчайший репертуар: русские народные песни, романсы старинные и современные, песни времен революции и гражданской войны, песни Великой Отечественной и послевоенные, песни 50-х, 60-х, 70-х, 80-х, 90-х и совсем новые. Его слушали наши родители, слушаем мы, и для наших детей у него то же есть что спеть. Песни украинские, белорусские, еврейские, грузинские – многих народов нашего большого Союза? Английские, испанские... Как он все это помнит?

Конечно, Кобзон – человек больших способностей. Незаурядных и разносторонних. Можно называть это талантом,

а мы назовем –

От Б-га. Или от родителей. Что одно и то же.

В первую очередь – это голос.

Тут можно употребить массу эпитетов. Выбирайте те, что вам по вкусу: сильный, мощный, летящий, широкого диапазона, раздольный (русская песня), лиричный (романсы, танго), затаенный (“Семнадцать мгновений весны”), драматичный (песни о войне), шаляпинский (“Вдоль по Питерской”), канторский (еврейские молитвы) и, наконец, неповторимый кобзоновский, который не спутаешь ни с каким другим, и который идет с нами по жизни вот уже седьмой десяток лет. Ведь первое выступление Кобзона состоялось в 1946-ом, в Кремле, когда ему было 9 лет. В зале присутствовал Сталин.

Собственно вокал

Врачи знают: если в постановке голоса есть хоть малейший изъян, при большой нагрузке обязательно будут болезни, а с возрастом голос потускнеет и сотрется. Как многие вокалисты дрожат над своим голосом! Шарф до глаз, на морозе не разговаривать, острое, пиво – ни-ни!.. А женщины!.. Лев Шимелов любит рассказывать, как певцу Большого на пляже в Доме актера в Сочи в августе говорят:

– Хочешь познакомиться вон с той красивой девушкой?

Певец испуганно:

– Вы что! У меня в феврале “Риголетто”!

Кобзон зимой ходит с непокрытой головой. А о том, сколько он может петь, ходят легенды.

Говорят, однажды на Камчатке он пел с утра до ночи, переезжая с одной площадки на другую. А ночью с музыкантами полетел на какой-то остров к летчикам. Там во время концерта к нему подошел администратор:

– Иосиф Давыдович, надо заканчивать, а то начинается прилив, и самолет не сможет взлететь.

Кобзон, обращаясь в зал:

– Говорят, что есть проблемы со взлетом, я бы с удовольствием пел...

Из зала:

– Мы взлетим.

Кобзон:

– Тогда концерт продолжается.

Назавтра гитарист упал на колени и заголосил:

– Иосиф Давыдович, отпустите! Я больше не выдержу!..

Одни педагоги по вокалу говорят, что надо петь ногами, другие – животом, третьи – спиной. Кобзон поет всем организмом. Поэтому поет легко, как говорит. Говорит, кстати, очень хорошо.

Музыкальность

Однажды в гастролях по Дальнему Востоку мы встретились с группой Кобзона. В разговоре с музыкантами спроси-

ли:

– Ребята, скажите, вот поездка тяжелая, много концертов, перелеты, переезды, недосыпы... Часто Кобзон чуть не до-тянет, чуть сфальшивит?.. У всех бывает.

– У Кобзона не бывает никогда.

Чисто, ритмично – это азы. Музыкальность этого певца – не красиво спетые ноты или фразы, а умение спеть всю песню целиком, как будто мелодия, начавшись, обрывается только с концом песни. Ощущение такое, что у него внутри скрипка, точнее виолончель, которая всегда играет, только певец еще время от времени накладывает на эту мелодию нужные слова.

Мы ехали вместе в машине. Кобзон что-то рассказывал, его перебили, потом извинились. Он сказал:

– Ничего-ничего, меня перебить невозможно: я же внутренне пою.

Фраза эта стала крылатой. В театре “Шалом” все артисты ее повторяют.

Стиль

Сегодня многие певцы замечательно двигаются, танцуют. Это прекрасно. У Кобзона другой стиль. Он мог бы и прыгать и скакать, но это не его. Он стоит. И поет. Скупой жест, скупая мимика. Все сосредоточено на самой песне. Артист не показывает голос, не демонстрирует актерское мастер-

ство, не выступает. Только поет. И поет так, как будто слушает эту песню вместе со зрительным залом. Со стороны. Такой стиль оказывается очень современным. И вчера, и сегодня, и завтра. Мы его слушаем и тоже “внутренне поем”. Каждый в эти минуты сливается с артистом и тоже чувствует себя Кобзоном. Может быть, в этом главный секрет успеха?

Стоп, стоп!.. Что-то тут не совсем так. Чего-то не хватает. Перечитал про стиль и понял, что эти слова скорее про прежнего Кобзона. А он за последние годы очень изменился. Стал еще лучше, еще глубже... Короче, пришло время прямо и определенно назвать главную причину успеха артиста Иосифа Кобзона...

Талант

В Центральном Доме Актера Вечер памяти Маргариты Александровны Эскиной. Она была любимым директором этого дома, поэтому зал переполнен знаменитыми актерами, режиссерами и другими деятелями театра. Желających выступить много, некоторые говорят несколько слов или читают короткие стихи, кто-то поет одну песню... Выходит Кобзон. Его здесь любят. Он для драматических артистов свой, не “чистый вокалист”. Поет две песни. Не отпускают. Говорит:

– Тогда песня, имеющая отношение не к Маргарите Александровне, а ко всей нашей культуре. Беранже “Нищя”.

Песня длинная, шесть больших куплетов. Рядом со мной сидит очаровательная Юлия Рутберг, она мне тихо:

– Я тоже люблю Кобзона, но чувство меры...

Я тоже тихо:

– У него свое. И песня такая.

Кобзон допел, зал и не думает с ним расставаться.

– Что вам спеть?

Какой-то зритель:

– “Май вэй”.

Кобзон говорит:

– Хорошо.

И поет. И тут начинается что-то непонятное. Все понимают, что он поет об этих, сидящих в зале, людях. Об их жизни и бедах. Не дали роль, а я бы мог... Теперь время ушло. И звания ждал столько лет... Но это мой путь!.. Квартира, путевки – все не мне... Но это мой путь! Обиды, сплетни... Сколько раз режиссер меня “не видел”... Но это мой путь! И я с него не сверну!

Зал встал. Слезы у многих в глазах. Мы орем (именно). И моя любимая Юля тоже. Я ее после этого еще больше люблю.

А ведь Кобзон “просто” пел. В чем же тут секрет?

Ответ на этот вопрос в другой истории, которую я должен рассказать.

Скандал в Манеже на Выставке современного искусства. Помните, когда Хрущев кричал у картин Фалька: “Пидарасы! Лица не бывают голубые!”.

Скандал напугал всех работников искусств, кроме, разумеется, советских консерваторов.

И на этом фоне в ЦДРИ большой творческий вечер Сергея Михалкова.

Игорь Ильинский читает басню Михалкова “Три портрета”. Басня призывает к буквальному реализму и совпадает с позицией Хрущева. И вдруг – чудо! – великий Ильинский, не меняя ни слова, читает все наоборот, он за художников-модернистов! Такого не ожидал даже сам автор. Михалков сидит на сцене с открытым ртом. Зал ликует. Ильинский уходит за кулисы, ходит там в радостном возбуждении, сверкает хитрыми глазами, подзывает нас с Лившицем:

– Молодые люди, я жизнь прожил, книгу написал о том, как играть, и только сегодня понял: если хочешь что-то сказать зрителям – надо об этом думать.

Вот он, секрет успеха. Конечно, при наличии таланта.

У Ильинского он был.

У Кобзона он есть.

Артистизм

Старый Новый Год в ЦДРИ. Цвет артистической Москвы. Три часа ночи. Стоим в фойе с Анатолием Дмитриевичем Папановым. Он говорит:

– Пойдем в зал, Кобзон будет петь.

Кобзон выходит на развеселую, все выдавшую публику и

поет “Бери шинель, пошли домой”. И зал замолкает. Никто не ест, не пьет. Все слушают. Папанов наклоняется ко мне:
– Большой артист.

Фестиваль в Португалии. Артисты из 60 стран. Концерты идут на стадионах по 5–6 часов. Группе из Советского Союза во главе с Кобзоном дают максимальное время – 20 минут. Из них самому Кобзону остается 6 минут на две песни. Он поет “Гранадку” на испанском и “Калинку” на русском и португальском. Нашей группе дают 50 минут, и теперь Кобзон поет 8 песен и заканчивает весь концерт.

К 40-летию Победы Кобзон сделал большую программу, где песни о войне перемежались стихами Роберта Рождественского. И там была одна песня – “Враги сожгли родную хату”. Помните:

Хмелел солдат, слеза катилась,
Слезка несбывшихся надежд,
И на груди его светилась
Медаль за город Будапешт.

Ничего вроде специального Кобзон не делал. Как всегда стоял и пел. Но возникала страшная картина: маленький, убитый горем человек, прошедший всю войну, потерял все – и дом, и семью... освобождая свой и другие народы. И не вернуть родных и любимых. И медаль ничего не восполнит...

Эту песню пели и до Кобзона, но он открыл ее заново. Лишил всякого победного пафоса, рассказал правду.

Властям такое решение не понравилось, но придрататься трудно: ни слова, ни мелодия не изменены.

Пришли из МК партии, говорят:

– Иосиф Давыдович, вы так тратитесь на этой песне, поберегите себя, программа и без того насыщена, снимите ее – и вам полегче, и зрители меньше плакать будут.

Не знаем, что он им ответил, но пел эту песню и дальше на каждом концерте.

А они (МК) зато не показали эту программу по телевидению. Мелкие они – потому и мстительные.

Настоящий артистизм проявляется у Кобзона во всем. И в умении разговаривать со зрителями, что он делает, как настоящий шоумен, и в умении выступать с трибуны, говорить по грустному и веселому поводу, и в умении рассказывать анекдоты. Еще Юрий Никулин говорил, что “грамотно” рассказывают анекдоты очень немногие. Один из них Иосиф Кобзон. Мы с Хайтом выпустили книжку еврейских анекдотов “1001 еврейский анекдот на каждый день”, для нее перелопатили несколько тысяч, отобрали их, отредактировали... Так вот Хайт сказал:

– Единственный из юмористов, кого не надо редактировать – это Кобзон.

Артистизм – это еще и актерский азарт. Не “отработать” свой номер в концерте, а стремиться выступить и обязательно

но иметь успех. И не только ради денег. Иначе откуда взялось бы астрономическое число шефских концертов Кобзона.

В концертном зале “Россия” вечер анекдота. Кобзон торопится куда-то и просит Юрия Григорьева, который этот концерт ведет, пропустить его пораньше. Григорьев объявляет Кобзона вторым номером, после певицы. Зал еще не разогрелся, не вошел во вкус, Кобзон рассказывает несколько анекдотов, все хорошо, но успех не такой, как ему хотелось бы.

Ну, ушел Кобзон, концерт продолжается. Вдруг во втором отделении Иосиф Давыдович выходит из-за кулис, как будто и не уходил, и говорит:

– Я еще вспомнил!

Рассказывает шесть анекдотов и с настоящим успехом покидает сцену. Вот ведь как! Съездил куда-то, выступил, вернулся и “добил”. Ну?..

Память

К своему 50-летию Кобзон решил сделать концерт звезд из разных стран. Пригласил Хайта написать конференс, а меня – режиссером. Госконцерт разослал приглашения, и все приехали. Все нашли время. Госконцерт сказал, что это первый случай в его практике, когда при скромных гонорарах все согласились. А ведь по тому времени приехали, действительно, звезды: Лили Иванова и Бисер Киров (Болгария),

Дан Спатару (Румыния), Эва Пиларова и Карел Готт (Чехословакия), Джордже Марьянович (Югославия), Янош Коош (Венгрия).

Вы знаете, что Хайт “воду” не писал. Десять страниц плотного репризного текста с короткими смешными интервью, где Кобзон говорит по-болгарски, чешски, венгерски и т. п., а артист отвечает по-русски.

Я раздал тексты артистам, все выучили, а Кобзону некогда. Он организует все удобства для гостей, лично проверяет, чтобы у каждого в артистической были кофе, чай, вода, бутерброды и т. п. Все за свой счет. Настает день премьеры. Я в панике. Кобзон зовет меня в артистическую, начинает переодеваться и говорит:

– Прочитай мне, пожалуйста, конференс.

Я прочитал. Он гримируется.

– Еще раз.

Я прочитал еще раз.

Кобзон провел концерт спокойно, весело, точно по тексту. Ничего не забыл и еще добавил от себя.

Сам он пел в конце программы. Все участники подходили поближе к сцене и слушали его.

Лили Иванова сказала:

– Не думай, что мы приехали из-за денег. Мы все любим его.

На фестивале в Лиссабоне в номере у Кобзона собрались

артисты, а он задержался в штабе. Я успел предупредить:

- Ребята, все, что буду говорить Кобзону, все от “фонаря”.

Он входит. Я говорю:

- Иосиф, я забыл тебе сказать, в Москве встретил секретаршу Председателя Совета Министров Удмуртии Зину, она тебе привет от своего начальства передавала.
- Какую Зину? Ее зовут Света.
- Я не ручаюсь, но телефон помню, он простой: 3–33–37.
- Ничего подобного. Телефон 6–17–48. Сейчас проверю.

Лезет в чемодан, открывает записную книжку:

- Вот, точно.

Скорее всего, Кобзон не умеет пользоваться компьютером. Да ему это и не нужно при такой голове. Этот компьютер всегда при нем.

Благотворительность

Какое красивое русское слово! Особенно, если произнести его медленно. И хотя понятие “благотворительность” дали миру евреи, для Кобзона оно не имеет никаких национальных ограничений. Жена Неля уже плачет от количества звонков и просьб. А просят, потому что знают: Иосиф Давыдович старается не отказывать.

По религиозной традиции благотворительность в высшем своем проявлении должна совершаться без рекламной шумихи, тихо и скромно. В этом смысле Кобзон – глубоко ве-

рующий человек. Никто не знает, сколько домов сирот он опекает, скольким людям он помогает в нужде, болезни и старости, сколько тратит на строительство аптек с доступными ценами. Буквально в каждом городе есть люди, благодарные ему за жилье, или работу, за телефон, или устройство ребенка в детский сад, место в больнице, редкое лекарство... Сколько таких людей? Тысячи, может больше. Мы не знаем, он никогда об этом не расскажет, и до нас доходят только случайные крупницы этой его работы.

Роман Иванович Романов, известный конференсье, встречает меня во дворе:

– Алик, поздравь меня: скоро выходит моя вторая книжка!

– А деньги на книжку у пенсионера откуда?

– Кобзон дал. И первую книжку тоже он оплатил.

Старейший администратор эстрады Тамара Герзон последние годы жила в бедности и одиночестве.

Однажды звонок в дверь. Вносят новый холодильник, телевизор и большой набор продуктов. Откуда? Молчание. Потом вычислили – от Кобзона.

Бесчисленное количество шефских концертов, походы по кабинетам районных и городских властей, в министерства и ведомства, звонки и письма, ходатайства и просьбы – все это было и до того, как Кобзон стал депутатом Госдумы. Он дав-

но был народным депутатом, просто выборы с рекордным результатом узаконили его статус.

~~В Думе он независимый депутат. Независимый ни от кого. Кроме своих избирателей и своей совести.~~

Профессионализм

Мне нравится такое определение профессионализма: профессионализм – это умение посадить себя в зрительный зал.

Кобзон всегда поет для конкретных зрителей, тех, которые сегодня сидят в зале. Поет про них, про их жизнь, беды и радости. Вот почему он пел про родной завод, про космос и БАМ. Ведь все это было частью нашей жизни.

Если Иосиф Кобзон обещал, он будет петь. Даже если болен. Шефские концерты тоже не отменяются. Однажды при радикулите пел сидя в кресле. Песня и публика его лечат.

И заметьте, всегда поет “живьем”, не “под фанеру”, без фонограммы, в последние годы с пианистом Алексеем Евсюковым или Леоном Оганезовым.

На телевидении снимается песня “Хава-Нагила”. Зная, что в “Шаломе” есть такой танец, Кобзон пригласил наших артистов. Но у нас чуть другой ритмический рисунок, поэтому на репетиции Кобзон пять раз в полный голос спел всю песню, чтобы танцоры могли приспособиться. Можно было и не петь – Оганезов сыграл бы несколько раз и все. Но это, если не думать о коллегах и телезрителях.

А брюки? Мало кто даже из артистов знает, что надев концертные брюки, Кобзон уже в них не садится. Чтобы даже немнущаяся ткань не помялась. Нисколько. Так лучше. Так уважительней к себе, к своей профессии и к людям, которые в зале.

Ташкент. Концерт в госпитале для раненых в Афганистане. В зале легко раненые и выздоравливающие. Мы выступили. Потом пошли в палаты тяжело раненых. Молодые ребята, искалеченные навсегда. Невозможно ни описать, ни смотреть. Даже мы, врачи по образованию, прошедшие шесть лет больниц и моргов, не могли этого выдержать. Одна певица хотела спеть раненому, но слезы душат, голос не идет.

Кобзон подошел к раненому:

– Сынок, что тебе спеть?

Шепот в ответ, и Иосиф запел. При раненых плакать нельзя, но слезы сдержать невозможно. Кобзон тоже плакал, когда пел, но голос не дрогнул.

Кобзон и власть

Хвастаюсь: на юбилейном концерте в ГЦКЗ “Россия” театр “Шалом” тоже поздравлял певца, и я сказал: “Иосиф, ты счастливый человек: вся страна знает, что ты еврей, и, несмотря на это, тебя все любят”. В тот же вечер по телевидению в “Новостях” эту фразу повторили.

Кобзон состоялся при советской власти. И с такой фа-

милией стал первым эстрадным певцом страны. Сотни выступлений, радио, телевидение, правительственные концерты... Создавалось впечатление, что он – официальный певец, власть его любит. Но это было впечатление.

Да, многие руководители заводов, институтов, городов, республик, министерств любили певца, стремились послушать его, посидеть за одним столом, многие даже дружат с ним до сих пор. Но высшему партийному руководству – МК и ЦК он был чужим. Он никогда не лебезил перед ними, имел свое мнение и отстаивал его. Хлопотал за других. Не нравилось это высокому начальству. А в “важные” концерты они просто вынуждены были брать его. Ведь ни у кого не было такого огромного гражданского репертуара, и ни один певец не имел такого убедительного успеха. (Честные певцы не обидятся).

В начале 80-х артисты Москонцерта, устав от самоуправления парткома, обратились к Кобзону и другим звездам с просьбой заступиться за них. При первом же походе в райком звезды отпали, и Кобзон остался один. И не отступил.

Райком был повязан с парткомом, их поддержал МК – начались провокации, слежка за Кобзоном, ему не подписывали характеристики на выезд за рубеж, на Госпремию...

Вызывают Кобзона в МК:

– Вы проявили политическую бестактность: вчера в Колонном зале спели две еврейские песни, а в зале были два арабских представителя. Они поднялись и ушли.

– Зря, ведь потом я спел две арабские. И евреи, которые были в зале, не ушли. Так кто проявил политическую бестактность?

Кобзоно-горкомовская война шла около десяти лет. Думаем, отголоски ее слышны и сейчас.

Но жизнь берет свое. Уже нет ни парткомов, ни райкомов, ни горкомов, а Кобзон поет. А говорят, один в поле не воин!

Неля

Это важнейшая часть Кобзона. Именно, часть. Они так слиты воедино, что их разделить невозможно.

Главный, конечно, Иосиф. Но это не значит, что Неля – подчиненная. Она тоже главная. Да, это такая идеальная любовная семейная демократия, когда за власть никто не борется. Каждый существует для другого и для семьи.

Природный ум, красота и юмор у Нели пополнились рядом с Иосифом мудростью и стойкостью в борьбе с преградами, предательствами и другими бедами жизни.

От Нели исходит такое жизнеутверждение, что рядом с ней становишься моложе и начинаешь думать, что все невзгоды можно победить.

У меня предложение. Нашему телевидению надо после утренних курантов и гимна полминуты показывать Нелин лик как зарядку на целый день.

Уверен, что ВВП в стране резко возрастет.

Заключение

Зачем этот анализ?

Зачем объяснять кому-то, что Кобзон хороший – его и так любят.

Верно. Но любить Родину, женщину, артиста – это прекрасно, но еще лучше, когда знаешь – за что.

Когда случилась трагедия с “Норд-Остом”, Иосиф Давыдович Кобзон первым вошел в здание на Дубровке, вел переговоры с террористами и спас шесть заложников.

После этого многие звонили в офис Кобзона и говорили его помощницам Татьяне и Варваре:

– Передайте Иосифу Давыдовичу, что мы им гордимся.

Девушки отвечали:

– Мы тоже.

Сводное интервью с каверзными вопросами

За время работы в “Шаломе” я дал около 1000 интервью. Для газет, журналов, радио, ТВ – в Москве, в других городах и странах.

Это не так уж и много. Примерно одно интервью в неделю. Многие вопросы при этом, конечно, повторялись, и ответы тоже. Вот я и решил выбрать самые интересные и сделать одно сводное интервью с каверзными вопросами.

– Александр Семенович, как вы оказались на работе в еврейском театре?

– Меня Кобзон устроил. Дело было так.

Театра еще не было. Был Еврейский драматический ансамбль. Он уже четыре месяца был без руководителя, и мне предложили эту должность. Потом вдруг перестали звонить, несколько месяцев молчали, а коллектив оставался без руководителя. Я в это время режиссировал юбилейный концерт Иосифа Кобзона, приехал в его мастерскую, там какой-то начальник по культуре. Кобзон его спрашивает:

– А как дела с еврейским театром?

– Пока никак, потому что Левенбук отказался.

– Да, жалко, что он отказался. Кстати, познакомь-

тесь, – это Левенбук.

Начальник смутился:

– Это как в кино! А вы что – не отказывались?

– Наоборот, с удовольствием согласился.

– Значит, меня неправильно информировали.

Я знал, что пьес для еврейского театра давно не писали: зачем их писать, когда негде ставить? И я понял, что главный человек для нас – драматург. Вообще, в театре главный – худрук или главный режиссер, а в данном случае – именно драматург. Уже тридцать лет я дружил с Аркадием Хайтом, и только он мог нас спасти. Но я боялся, что он откажется, т. к. этот театральный коллектив был в плачевном состоянии. Я все рассказал Кобзону и попросил его мне помочь.

Иосиф пригласил нас пообедать в ресторане Дома композиторов. За столом он говорил о чем угодно, кроме театра. Мало того, что талантливый, он еще и умный и настоящий психолог! И ему до всего есть дело, особенно до хорошего. И вот, когда обед заканчивался, Кобзон сказал: “Ребята, надо возродить еврейский театр. Только вы сможете это дело поднять. Подумайте, как это сделать”. Сказал и ушел. Идея так зажгла Хайта (я-то уже горел), что выйдя из ресторана, мы час простояли на улице, обсуждая это новое дело. Вскоре уехали на дачу в Переделкино к одному хайтовскому приятелю и очень быстро написали первый спектакль

“Поезд за счастъем”. Писал, естественно, Хайт, а я изо всех сил помогал.

Алла Пугачева

Мы с Александром Лившицем готовили программу “Пиф-паф или сатирические выстрелы по промахам”. Ее написали Ф. Камов, Э. Успенский, А. Хайт и А. Курляндский, а песни – М. Танич и Я. Френкель. Стали искать певицу, молодую и без претензий для исполнения этих новых песен. Дочка администратора Москонцерта Полины Алферовой привела нам девушку Аллу, которая стала репетировать с нашим любимым режиссером Борисом Левинсоном, актером театра Маяковского. Сразу выяснилось, что по всем вопросам исполнения песен у Аллы есть свое мнение. Золотой наш Боря Левинсон сказал:

– Ей не надо ничего навязывать, она сама талант.

Алле Борисовне Пугачевой было 15 лет 3 месяца.

Мы пошли к Алле домой, сказали маме, что будем заботиться о ее дочери. И попросили отпустить на гастроли по Уралу и Сибири, пообещав: какую взяли, такую и вернем. Слово сдержали.

В этой поездке Алла пела, аккомпанируя себе на рояле, и пела с инструментальным ансамблем Левона Мерабова. Вот он и написал первую песню репертуара Аллы Пугачевой – “Робот” на стихи Михаила Танича. Помните:

Робот!

Ты же был человеком.
Мы бродили по лужам,
В лужах плавало небо...

Мы специально так подробно все это рассказали, потому что появилось сто “открывателей Пугачевой”, которые не читали книг об Алле, ее высказываний в печати, не слушали их в “Радионяне”, а мы этим историческим открытием никогда не хвастались. По простой причине: такой талант и без нас привел бы девушку на эстраду и сделал бы певицей № 1 в огромном СССР. Что и произошло.

Еврейское счастье

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.